

Авторы издания,

2го выпуска,
Спасибо.

С. И. Аношечкин
и др. за работу,
по вопросу издания
охран. N 1090. Д. Е.

B. A. Cummings

Haso embesent
 abung, a muso
 nononchi' B. H.
 que quanononon.

B. A.

12/11-925

172

B. A. Cennamo

Ammonium subent u b
apxub.

B. U.

05. МАР 1992

Уважаемые товарищи! У меня небольшая просьба. Не могли бы вы посодействовать тому, чтобы прилагемый к настоящему письму рассказ, был допущен Б.И. Ельцину. Дело в том, что действие в нем происходит в Березниках — городе где прошли юностьские годы Бориса Николаевича, когда он там жил вместе с родителями. (Я прекрасно помню грязные, закопченные бараки напротив содового завода где он жил). Уверен, что ему интересно будет вспомнить те далекие годы, тем более, что главным героем рассказа — были является знаменитый в прошлом волейболист Ираклий Ахобадзе. Во время его илж было известно любителям спорта и не сходящая со страниц газет и журналов. Возможно, что эта фамилия знакома и Президенту, ведь он сам мастер спорта по волейболу, не исключено также, что Борис Николаевич даже присутствовал на городском стадионе „Азот“ в тот день, когда за сборную Березников играл Ахобадзе. О том, каким образом этот известный спортсмен огутил в таком захолустье, о его характере и рассказывает в статье „Встреча с знаменитостью“. Готовился этот рассказ для апрельского номера журнала „Наука и жизнь“, но в силу известной пригизи, не только не сможет он теперь опубликовать, но скорее всего сам „прикажет „золотой язык“.

Государственными деятелям, постоянно занятым масштабными проблемами, необходимо иногда, для

134363/15-3-5

разрядки, хоть на короткое время, отключайтесь от своих
забот и дел. Если вы любите своего Президента, скажите
ему спасибо и не ходите, чтобы он работал на износ -
вы постараетесь выполнить мою просьбу.

Если это произойдет, то я был бы очень признателен услы-
шать от кого-нибудь из вас звонок по телефону и одну
только фразу: "Ваш рассказ Президенту доволен".
Вот и всё.

Виктор Федорович Соловьев, тел. 242-53-36.

Москва, 119146

2^{-я} Фрунзенская ул, д. 9 кв. 6.

Отдел писем и приема граждан
Ю. Ф. Бородин тел. 206-46-64

1

Бородин 5.18.92

1992 г. February 18, 1992 КТ-57.

рег. N _____	Автор _____
Число страниц _____	Редактор _____
Рисунки, фото _____	Имена, цифры, факты сверены _____
Цветные вкладки _____	_____
Ответств. секретарь _____	Читали: _____

ЗНАКОМСТВО С ЗНАМЕНИТОСТЬЮ

В. СОЛОВЬЕВ.

Хорошо, что сейчас стали больше уделять внимания выдающимся спортсменам, которые в свое время немало потрудились для приумножения спортивной славы нашей Родины. О них теперь чаще и подробнее пишут, публикуют воспоминаая, интервью и т. п. К сожалению, раньше кроме их фамилии и чисто спортивных результатов (голы, очки, секунды и т. п.) читатели, обычно, никакой другой информацией не располагали. Этот информационный вакуум нередко заполнялся слухами, домыслами, сплетнями. А ведь известные спортсмены, кулиры болельщиков — это живые люди со своими проблемами, различными жизненными ситуациями, радостями и печальми знать правду о которых всегда интересно, если ее, конечно, можно публиковать по этическим соображениям. В результате, о человеке иногда узнаешь подробности, которые в корне меняют первоначально сложившееся о нем впечатление, как о личности: его интеллекте, характере, способностях не только в спорте, но и в самых, казалось бы неожиданных областях и обстоятельствах. Я, например, был свидетелем, когда один известный спортсмен, не имевший никакого отношения к стрелковому оружию, внес дельное предложение по улучшению его реконструкции.

Об этом человеке, о моем знакомстве с ним и о маленькой спортивной сенсации, которую он произвел в одном заштатном уральском городке, я и хочу познакомить читателя.

Речь идет о заслуженном мастере спорта Ираклии Ахобадзе. В свое время этот выдающийся волейболист был кумиром многих болельщиков. Спортсмены и болельщики со стажем помнят его и сейчас наравне с такими фамилиями как Чинилин, Шагин, Саввин, Рева и др. Мое очное знакомство с Ахобадзе произошло в далеком 1942 году, когда он, в звании "старшина", прибыл для прохождения службы в 190 полк НКВД (г. Березники Пермской области). Полк охранял особо важные предприятия северного Урала. Я в этом полку служил начальником оружейной мастерской. Фамилия Ахобадзе мне была знакома и раньше, т. к. до войны в Москве я сам играл в волейбол и часто ходил смотреть игру мастеров. Чаще всего они собирались в парке им. Горького или на водном стадионе "Динамо" в Химках. На площадке Ахобадзе обычно был лидером. Играл он азартно, часто делал замечания партнерам, любил покрикивать, но сам играл великолепно. Смотреть его игру было истинным наслаждением.

И вот, однажды, ко мне в мастерскую заходит какой-то незнакомый старшина и просит отладить в его пистолете "динамовский спуск". В то время среди оружейников "динамовским" назывался такой спуск курка, когда выстрел происходил даже при слабом нажатии на спусковой крючок. Обычно этот спуск любили стрелки-спортсмены. Я объяснил, что делать такие вещи запрещено, тем более у боевого пистолета. Мы разговорились и я, более внимательно присмотревшись к своему собеседнику, увидел, что передо мной собственной персоной стоит Ираклий Ахобадзе. В мятой гимнастерке, кирзовых сапогах его не сразу можно было узнать. Мы

познакомились и с тех пор стали если не друзьями, то во всяком случае, хорошими знакомыми. Он стал частенько заходить в мастерскую. Мы вспоминали Москву, общих знакомых, спортивные площадки, где обычно играли в волейбол и т. д. В суровое военное время, далеко от Москвы, от родных и близких людей эти воспоминания по-особенному согревали и сблизали. От них веяло чем-то далеким, недостижимым, как-бы ушедшим навсегда.

Однажды он пришел в мастерскую, когда я ремонтировал пистолет-пулемет Дегтярева - так называемый "ППД". В нем был испорчен механизм, который переключает одиночную стрельбу на автоматическую (и наоборот). Такие автоматы во время войны в тыловые части поступали редко, поэтому запасных частей к ним в мастерской не было. Некоторое время Ираклий молча наблюдал за моей возней с капризным механизмом, а затем произнес фразу, которая впоследствии видоизменила всю конструкцию пистолета-пулемета. С присущим ему юмором и убежденностью он сказал: "Слушай, дорогой, а зачем он вообще нужен этот переводчик. Ты его выбрось на помойку, пусть не мешает, пусть этот "ППД" стреляет только как пулемет". ("Переводчиком" в "ППД" назывался небольшой металлический флажок на одной стороне, которого была выбита цифра 1, а на другой 71. В зависимости от его положения стрельба могла вестись или автоматически или одиночными выстрелами). Я моментально схватил эту идею, и она не покидала меня потом до тех пор, пока мы не изготовили в мастерской макет нового автомата. Дело было, конечно же, ^{не} в самом переводчике, а во всем переводном механизме, частью которого он являлся. Механизм этот был довольно сложный и состоял из нескольких деталей, что усложняло всю конструкцию ППД и делало его промышленное изготовление более трудоемким. Я побеседовал с

фронтовиками и выяснилось, что в бою они никогда не ставили переводчик "на единицу". Даже по одиночной цели стрельба обычно велась очередью. Итак, с подачи Ажобадзе: "А зачем он вообще нужен этот переводчик" - в полку был изготовлен упрощенный вариант "ППФ", из которого можно было вести огонь только как из пулемета, т. е. очередями. Вместе с чертежом и кратким описанием идеи, он был послан в штаб Уральского военного округа, где моя фамилия уже была в некоторой степени известна. Дело в том, что незадолго до этого, на окружном конкурсе изобретателей, мне удалось занять первое место за создание новой ручной гранаты с упрощенным накольным механизмом для капсюля-детонатора. Я получил за это денежную премию, которую тут же перечислил в фонд помощи фронту. На чертеже и в объяснительной записке новый автомат был назван "АА", т. е., "автомат Ажобадзе". Однако Ираклий категорически возразил, сказав с обычным своим юмором: "А вдруг он будет плохо стрелять - меня тогда самого расстреляют как вредителя". Большая доля правды в этом опасении была. В те годы к вредителям и врагам народа нередко причислялись люди за незначительные, а главное, неумышленные проступки. В городе, например, шепотом передавался друг от друга случай, происшедший в типографии. По чьей-то оплошности в очередном сообщении совинформбюро о положении на фронтах в словах - "Верховный главнокомандующий" - была пропущена буква "л". Что произошло с виновными в этой опечатке догадаться было не трудно. Говорили, что на следующий день в штате типографии оказалось несколько вакантных должностей. Да и в моей жизни был случай, когда по чистому недоразумению я мог быть расстрелян как террорист. Спасло меня только личное и энергичное вмешательство начальника

внутренних войск МВД генерала Любого, которого я до сих пор вспоминаю с большой теплотой.

Короче, мы решили послать автомат как мое изобретение в надежде, что в бою он не подведет. Здравый смысл подсказывал, что будут обязательно полигонные испытания. Кроме того, раз в автомате стало меньше деталей - значит и меньше причин для поломок, это закон любого механизма. Подписывая письмо в штаб округа, командир полка майор Лошманов, шутя заметил, что скоро вместо "ППФ" в полк будут поступать автоматы "ППС". И действительно, примерно через полгода поступил ящик с автоматами. В накладной в графе "наименование" значилось - "Автомат ППС". Я не поверил своим глазам и правильно сделал: в ящике находились автоматы Судаева. По конструкции они отличались от нашего, в основном, устройством магазина и приклада. О такой мелочи можно было бы сообразить и мне. Рожковый магазин, позаимствованный у немцев, и складывающийся приклад, конечно, были более удобны. Просто я поторопился и недодумал все до конца. И вообще в жизни меня всегда кто-то опережал и я постоянно находился на вторых ролях (сн. "Наука и жизнь" NN 5 и 11 за 1991 г.). Однако для успеха общего дела это, конечно, было не главное. Идея Ахобадзе об упрощении конструкции осуществилась, фронт стал получать надежные автоматы, а кто был в этом деле первым - не так уж и важно. Какие еще штрихи в характере Ираклия привлекали внимание? Он был смелым до отчаяния. Вспоминаю такой эпизод. На территории березниковского азотнотукового завода располагалась громадная башня газгольдера с большим циферблатом наверху. Стрелка на этом циферблате показывала уровень давления газа внутри башни. Ее было видно издали, и она постоянно была у всех на виду. Среди рабочих, да

и всего населения города, говорили, что если газгольдер взорвется, то не только от завода - от самого города останутся одни руины. На эту стрелку люди всегда смотрели с опасением. Однажды, зимой на рассвете нас подняли по тревоге и отправили на завод. Там уже находились сотрудники городского отдела госбезопасности во главе с начальником отдела Федором Карповичем Рудченко и несколько специалистов от заводоуправления, среди которых был зам. директора завода Кирилл Маркелович Фокин. Мы оцепили территорию с задачей никого не подпускать к подножию башни. Видимо, случилась какая-то опасная ситуация, т. к., стрелка на циферблате перешла за ординар. Вскоре к башне направилось несколько человек: главный энергетик завода с двумя специалистами и начальник химической службы 12-го полка Василий Андреевич Занин. Однако, прежде чем отправиться в путь, эта группа людей некоторое время стояла недалеко от нас, очевидно, обсуждая порядок движения и свои обязанности при осмотре. Обстановка вокруг была гнетущей. Люди стояли молча, со страхом поглядывая на мрачную громаду газгольдера. Что касается Ахобадзе, то вел он себя спокойно и непринужденно, даже пытался шутить. Например, спросил у стоящего рядом одного из сотрудников заводоуправления, куда придется ходить по нужде, если взрывом будет разрушена уборная. Кажется ему ответили, что сначала придется сходить поискать свою задницу. К счастью все обошлось благополучно.

Как старшина роты Ахобадзе пользовался непререкаемым авторитетом. Правда, он был очень самолюбив и вспыльчив, но солдаты уважали его за справедливость. Однажды, из полковой контрразведки сообщили, что один солдат из роты Ахобадзе, во время занятий на стрельбище, стал интересоваться у своих

товарищей по роте, какое наказание может быть за случайное ранение от неосторожного обращения с оружием. Истинный смысл вопроса был ясен. Ясно было и наказание. В военное время законы строги и неумолимы. "Самострелов" казнили тогда перед строем подразделения. Своей предупредительной информацией полковой "смерш" пытался предотвратить трагедию, которая могла произойти с молодым солдатом, отчаянно боявшемся отправки на фронт. Начальник штаба полка майор Меусов сообщил об этом Ахобадзе и поручил ему доходчиво, но деликатно побеседовать с солдатом и отговорить от задуманного. Несмотря на драматичность ситуации, я потом не мог без смеха слушать, как Ахобадзе "деликатно" разговаривал с этим солдатом. Вначале он объяснил, что его ожидает, а затем участливо спросил: "Слушай, дорогой, как ты лучше хочешь, чтобы тебя похоронили здесь на местном кладбище, или твой труп отправили бы хоронить домой? Учти, твоя последняя воля будет обязательно исполнена". Обалдевший от страха солдат, отказался от обоих вариантов.

Ну а теперь о маленькой спортивной сенсации, которую произвел Ираклий на местном стадионе. Надо заметить, что во время войны, несмотря на тяжести и лишения, спортивная жизнь в городе все-таки существовала. На городском стадионе "Азот" нередко проходили футбольные и волейбольные встречи, но Ахобадзе почему-то никакого интереса к ним не проявлял. Работали мы тогда с большими нагрузками и днем, и нередко ночью. Днем — работа в полку, а ночью большинство офицерского и частично сержантского состава отправлялось в караулы на охраняемые объекты проверять несение службы часовыми. При скудном пайке и систематическом недосыпании солдаты на постах нередко засыпали и ничего поделаться с этим было нельзя. Единственным способом оставалось только

почаще обходить посты с разводящим сержантом, подбодрить человека чем можно. Заводы были химические и в некоторых цехах солдаты несли службу в противогазах. В таком режиме было не до соревнований. Видимо, поэтому Ахобадзе на стадионе не появлялся. Никто из спортивных руководителей города и не знал, что такая спортивная знаменитость служит в Березниках. Но однажды он все-таки пришел на стадион, где проходили соревнования в честь дня Военно-морского флота СССР. Предстояла и товарищеская встреча по волейболу с командой г. Соликамска. Мы с Ираклием сели на лавочку поспотреть. Игра началась и сразу стало ясно, что противник явно сильнее. Первая партия катилась к нашему разгрому. Рядом с нами сидела руководитель городского спорткомитета Сидорова. Она меня хорошо знала, т. к. входил в состав сборной города по футболу. По ходу встречи мы обменивались с ней отдельными репликами, обсуждали складывающуюся ситуацию. Было ясно, что надо как-то спасать положение. Видимо, это понял и Ахобадзе. Вначале, безучастно наблюдавший игру, он стал постепенно "заводиться", ерзать по скамейке; чувствовалось, что в нем заговорил, наконец, спортивный азарт, и он в мыслях уже на площадке. Я понял, что Ира "созрел" и порекомендовал Сидоровой быстренько дозаявить в состав команды сидящего со мной старшину, сказав, что погоды он не испортит. Скептически взглянув на Ахобадзе, Сидорова особой радости не проявила, но просьбу мою выполнила. Ираклию принесли майку и трусы. Тапочки ему не подошли по размеру и он вышел на площадку босиком, хотя судья вначале возражал. Первую партию наши проиграли 7-15, а со второй вступил в игру Ахобадзе. Два круга он прошел только с защитой и распасовками, а дальше начался спектакль. Первый удар он почему-то сделал с задней

линии, примерно из зоны второго номера. Ударил "американкой" (сейчас, по-моему, так не бьют). Для противника это оказалось неожиданным, т. к. с задней линии у нас в городе никто не бил. Кроме того, удар был очень сильный и без блока. А дальше Ираклий освоился, вошел во вкус и стал атаковать почти со всех номеров, с обеих рук. Что это было за зрелище. Высший класс! Сидорова спросила меня, откуда взялся этот феномен, как его фамилия. Я с нетерпением ждал этого вопроса и ответил. Те, кто сидел недалеко от нас, слышали наш разговор и скоро по стадиону разнесся слух о том, что за Березники играет капитан сборной СССР по волейболу — Ираклий Ахобадзе. Площадку окружила толпа. В итоге мы обыграли Соликамск со счетом 3-1. Это было первое и последнее выступление Ахобадзе в Березниках. Больше он на стадионе не появлялся. Шла война, были другие дела, другие заботы. Кроме того, его вскоре перевели в Нижний Тагил в 193-й батальон по охране Уралвагонзавода.

Как сложилась дальнейшая судьба Ираклия, я не знаю. Если он жив — уверен, что ему интересно будет прочитать эти строки и вспомнить давно забытые эпизоды из нашей далекой молодости.